

И. М. Кузнецов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МИГРАЦИИ

Миграционные процессы обрели со второй половины двадцатого столетия поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизни. Миграция стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира. Ее непосредственное влияние сказывается на состоянии народного хозяйства, на социальных отношениях, культуре, национальной политике и международных отношениях. В России ранее абстрактное понятие «глобальные миграционные процессы», оказавшись в сфере публичного интереса 10-15 лет назад, успело обрасти рядом житейских подробностей, «свидетельств очевидцев» и стало на сегодняшний день, с учетом последних событий во Франции и США, некоей повседневной реальией, обсуждаемой с одинаковой заинтересованностью и на улицах, и в служебных кабинетах, и в научных аудиториях.

Специфика российской ситуации состоит в том, что Россия стала объектом (и в меньшей степени субъектом) постиндустриальных миграционных процессов, начавшихся в других странах в 60-х гг. прошлого столетия. Особенностью постиндустриальной стадии процесса является уже не перемещение людей из густонаселенных и интенсивно развивающихся регионов мира в столь же интенсивно развивающиеся малонаселенные регионы, а массовые потоки жителей густонаселенных слаборазвитых стран в густонаселенные постиндустриальные общества¹, что

¹ Massey Douglas S., Arango J., Hugo A., Koucouci A., Pellegrino A., Taylor Ed. J. World in Motion. Understanding International Migration at the End of Millenium. - Oxford: Clarendon Press, 1998, p. 6.

приводит к «транснационализму», то есть формированию внутри развитых обществ иммигрантских общин, альтернативных по своему укладу жизни². В России высокие темпы прироста инокультурного (заметно отличающегося от «коренного») населения в крупных и средних городах центральной России порождают ряд серьезных социальных и политических проблем. Не последнее место среди них занимают интенсивный рост этнофобий, переключение этих фобий на нерусские народы-автохтоны России и не менее интенсивный и катастрофический по своим долгосрочным последствиям рост кристаллизации русского национального самосознания по «оборонной» модели.

В ментальном плане к этому необходимо добавить, что большая часть населения нынешней России, выросшая в традициях жесткого управления социальными процессами, пока еще до конца не осознала, что перемещения больших масс людей из страны в страну, из одной культурной среды в другую — это реальия современной жизни, сродни природной стихии. Поэтому распространенные в аналитиках СМИ, научных и научно-популярных изданиях выкладки экономического, демографического и т.д. характера, подтверждающие или опровергающие необходимость приема мигрантов, рассуждения о квотах, трудонедостаточных или избыточных отраслях и регионах, не выглядят в глазах общественного мнения убедительным аргументом в пользу толерантного отношения к мигрантам и их специфическому образу жизни.

Необходимость формирования адекватных ответов на перечисленные выше общественные вопросы, порожденные глобальными миграционными процессами, делает чрезвычайно актуальной проблему поиска научно обоснованной информации о том, при каких внутренних (идуших от мигрантов) и внешних (зависящих от принимающей стороны) условиях один и тот же поток людей в одном случае интегрируется в принимающую сре-

² Kivisto Peter. Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts // Ethnic and Racial Studies Vol. 24, No. 4, July 2001.

ду, становится органической частью этой среды, а в другом — изолируется в социо- и/или этнокультурный анклав.

Иначе говоря, необходимо понять, при каких условиях можно ожидать, что приток мигрантов в страну обеспечит приток не просто неких абстрактных «трудовых ресурсов», а населения, разделяющего и транслирующего далее во времени и пространстве исторически сложившуюся и развивающуюся на этой основе систему ценностей и норм принимающего сообщества (что определяет в том числе и присущие этому сообществу темпы экономического роста). А в каком случае приток мигрантов приводит к активному росту и расширенному воспроизводству в рамках принимающего сообщества на новой, экономически и технологически благоприятной почве, привычной для приезжих социально-культурной среды с соответствующими последствиями для экономического потенциала.

1. Основные этапы теоретического осмысления феномена современной миграции

Теоретические представления о мигрантах зафиксированы в имплицитно или эксплицитно сформулированных дисциплинарных образах мигранта, содержание которых отражает специфику мигранта, как субъекта индустриализации, глобализации и т.д. в отличие от других субъектов изучаемых процессов. В целом можно утверждать, что динамика теоретических ракурсов рассмотрения мигрантов соответствовала динамике социальных проблем, связанных с феноменом миграции. Латентно закладываемая в научных концепциях вплоть до 1980 гг. предполагаемая логика поведения мигранта была заведомо европоцентристской: рациональным и естественным считалось то, что каждый мигрант стремится стать европейцем.

К концу XX века социально-экономические проблемы развитых стран, решаемые с помощью миграций, стали все более заметно дополняться социальными проблемами, порождаемыми увеличивающейся массой мигрантов. Как оказалось, миг-

ранты не всегда стремились стать полноценными европейцами в рамках предназначенного для них места в социальном пространстве. Стала вызывать сомнения «рациональность» экономического поведения мигрантов. По оценкам обобщающих исследований «в теоретических работах этого периода скорее рассматривались гипотетические, нежели реальные миграционные потоки»³.

В более позднее время подавляющую и наиболее проблемную часть миграционных потоков составили представители развивающихся стран. Применительно к ним, широкое распространение получили исследования в рамках теории *новой экономики миграции*. Миграция рассматривается этой теорией как специфическая стратегия выживания в странах «третьего мира». В отличие от *теории неоклассической экономики*, предполагающей эмиграцию на постоянной основе, *новая экономическая теория миграции* исходит из того, что рационально действующий субъект преодолевает институциональные недостатки в своей стране путем **временной** работы за ее пределами. В этом подходе выделяется относительно новая характеристика как миграционных потоков, так и самих мигрантов: потоки уже не представляются как исключительно переселенческие, а сами мигранты — как стремящиеся интегрироваться в «цивилизованное» общество с его системой ценностей.

Фиксируются и новые характеристики принимающих сообществ. Так, согласно *теории сегментированного рынка труда*, в развитых экономиках имеет место раздвоение рынков рабочей силы. В первичном секторе, обеспечивающем стабильную, хорошо оплачиваемую работу, заняты преимущественно граждане данного государства. Вторичный сектор, демонстрирующий слабую стабильность и небольшие возможности вертикальной мобильности, где нужны неквалифицированные работники с

³ Massey Douglas S., Arango J., Hugo A., Koucouci A., Pellegrino A., Taylor Ed. J. World in Motion. Understanding International Migration at the End of Millenium. - Oxford: Clarendon Press, 1998, p.14.

низкими заработками, не является привлекательным для национальной рабочей силы и формирует постоянный спрос на рабочих-мигрантов. Наряду с секторами первичного и вторичного труда, формирующими устойчивый спрос на рабочую силу определенной квалификации, создается третий, анклавный мигрантский рынок труда, где иммигранты работают на своих соотечественников⁴. К этому можно было бы добавить, что сейчас анклавный мигрантский рынок труда является основным поставщиком рабочей силы во вторичный рынок, и уже здесь отстраиваются этноэкономические ниши занятости. Более того, стабильное присутствие на рынке труда нелегальных мигрантов даже в странах с развитой системой иммиграционного контроля и с жесткими иммиграционными законами позволяет предположить, что нелегальный труд, то есть труд низкооплачиваемый и социально незащищенный, является неотъемлемой составляющей современных развитых экономик. В настоящее время очень заметной становится такая функция миграционных потоков, как замещение (а не дополнение) мигрантами местных работников из-за более низких претензий мигрантов к уровню заработной платы и условиям труда, то есть демпинг (сбивание) цен на рынках труда посредством завоза мигрантов.

2. Социально-демографический профиль иммигранта⁵

Среди мигрантов преобладают люди в наиболее активном трудовом возрасте от 20 до 40 лет, почти половина мигрантов — в возрасте до 30 лет (средний возраст — 32 года). Наблюдается заметное преобладание мужчин, особенно в самых молодых возрастах. Возрастная структура характеризуется высокой долей мужчин в возрастных группах 20-24 лет и 25-29 лет, среди женщин больше представлены старшие возраста.

⁴ Piore Michael J. Birds of passage. Migrant labor and industrial societies. - Cambridge: Cambridge University Press, 1979, p.229.

⁵ По всероссийского массового исследования мигрантов «Анализ миграционного профиля, проблем адаптации и интеграции мигрантов», рук. В.И. Мукомель, 2012 г.

Особенно заметно доминирование мужчин в самых молодых возрастах среди мигрантов из Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана: доля женщин из этих стран в возрастных группах до 24 лет не превышает 19%. В старших возрастных группах возрастает удельный вес женщин в возрасте от 35 лет.

В силу особенностей возрастного-полового состава мигрантов, существует большой разрыв между численностью мужчин и женщин, особенно заметный среди молодых мигрантов: численность молодых мужчин в возрасте 20-24 лет превышает соответствующий женский контингент в 3,5 раза, в возрасте до 20 лет — в 3,7 раза.

Учитывая, что основная масса мигрантов прибывает из государств Средней Азии и их приток возрастает, такой разрыв создает определенные проблемы для молодых мигрантов-мужчин, зачастую вынуждая их искать брачных партнеров в стране происхождения.

По отдельным направлениям женщины составляют значительную долю мигрантов. Среди мигрантов из Молдовы женщины численно преобладают (52,3%), еще выше доля женщин-мигрантов среди выходцев из Украины — 60,5%. Наряду с территориальной близостью важную роль играют миграционная мобильность и миграционный опыт граждан этих государств (ранее представителей других стран), пришедших на российский рынок труда, знание русского языка, специфические сферы занятости, визуальная неотличимость от местного населения.

Вопреки сложившимся стереотипам, доля мигрантов из сельской местности, в т.ч. из среднеазиатских государств, невысока: основная часть мигрантов приехала из больших городов, а также из городов меньшей величины и п.г.т., значительная часть — из столиц.

Уровень образования мигрантов достаточно высок: основная масса мигрантов в России — это люди с общим и специальным средним образованием. Мигранты с профессиональным образованием составляют около трети, а с высшим и незакон-

ченным высшим — 16,4%. Самый низкий уровень образования характерен для мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии: доля мигрантов со средним образованием и ниже составляет 63-65% среди выходцев из этих государств. (При этом 13,2% мигрантов из Узбекистана и 12,7% из Таджикистана не имеют среднего образования). Мигранты с высшим образованием прибывают в сравнимо больших пропорциях из Армении и Украины.

Учитывая средний возраст мигрантов, вполне объяснимо, что более половины из них уже имеют семью, в то время как доля никогда не состоявших в браке составляет 36,7%. Так как среди женщин больше представителей старших возрастных групп, доля никогда не состоявших в браке среди них существенно ниже, чем среди мужчин. Отчасти по этой же причине среди них больше разведенных и вдов. (Другой причиной, как показали результаты опроса и качественных исследований, может быть желание создать семью в России, что является побудительным мотивом для миграции). Заметно выделяются на общем фоне разведенные и вдовы среди мигрантов из Украины и Молдовы (в большинстве своем, женщины); мигранты из этих стран чаще состоят в гражданском браке. Также следствием принадлежности этих мигрантов к старшей возрастной группе является низкая доля никогда не состоявших в браке.

По понятным причинам, лиц, состоящих в религиозном браке, с большей вероятностью можно встретить в потоках мигрантов из мусульманских стран — Таджикистана, Киргизии и Узбекистана (в религиозном браке могут состоять и те, кто находятся в официальном и гражданском браке).

Существенным параметром демографического состояния является состав семьи. Притом что более половины мигрантов состоят в браке, детей имеет 46% мигрантов (2/3 из них мужчины, 1/3 — женщины). Приезжая в Россию, лишь часть мигрантов привозят членов своих семей. (Большинство семейных мигрантов живут в России без семьи). Чаще всего мигранты

проживают в России с зарегистрированными супругами (47%), детьми (40%, в т.ч. 24% — с детьми до 18 лет), братьями и сестрами (33%). За пределами России чаще остаются другие члены семьи: родители мигрантов и/или их братья и сестры и, существенно реже — дети.

3. Профиль занятости мигрантов

Основные мотивы приезда мигрантов в Россию связаны с работой, заработком. Приезжая из государств, уровень оплаты в которых ниже, чем в России, а безработица велика, они находят применение своему труду. (До приезда в Россию имели работу на Родине только 57,3% опрошенных). Подавляющая часть мигрантов работает в России, либо ищет работу.

Основные виды занятости мигрантов: оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий — 36,3%, строительство — 22,6%, коммунальные, социальные и персональные услуги — 13,2%, транспорт и связь — 8,3% работающих. На иные виды экономической деятельности приходится менее 1/5 работающих. Суммируя приведенные данные, можно отметить, что в России лишь 28,7% мигрантов заняли места в производственной сфере, в то время как только в сфере торговли их оказалось 36,2%. Здесь будет полезно рассмотреть текущую занятость с учетом стран выхода.

В *непроизводственной* сфере почти поголовная занятость характерна для выходцев из Китая, второе место в этом списке занимают представители Азербайджана, а третье место делят представители Украины и Молдовы. Основная доля занятости в *производственной* сфере характерна для граждан Узбекистана и Таджикистана. Отдельно мы выделили сферу коммунальных, социальных и персональных услуг, поскольку работа в сфере коммунального хозяйства условно может быть причислена к важным сферам жизнеобеспечения наряду с производственной сферой. Наиболее характерна работа в этой сфере для граждан Киргизии и Узбекистана. С наименьшей долей вероятности

здесь можно встретить граждан Китая, Азербайджана, Украины и Молдовы.

На наиболее неквалифицированные работы идут не только молодые мигранты, только окончившие школу и еще не имеющие квалификации. Образование, квалификация, профессиональные знания мигрантов не востребованы на российском рынке труда: в массовом порядке мигранты пополняют низшие профессиональные группы. 73% мигрантов, работавших до приезда в Россию, вынуждены менять вид экономической деятельности, 60% — профессиональную группу, к которой они принадлежали на Родине.

Ключевым параметром миграционного профиля является правовой статус мигранта, определяющий его повседневную жизнь, условия и характер труда.

Большинство мигрантов имеют разрешительные документы на *пребывание/ проживание* в России: по меньшей мере 82,6% мигрантов, находятся на территории России легально.

Однако этого нельзя сказать о документально подтвержденном праве на работу. 57,4% респондентов, судя по их утверждениям, имеют разрешение на работу на руках или, по крайней мере, его видели. Еще 11,7% имеют разрешение на работу у физических лиц. Формально 69,1% имеют разрешение на занятие трудовой деятельностью. Однако часть этих респондентов, судя по их ответам, не имеет разрешительных документов на пребывание или проживание в России, что ставит под сомнение наличие у них подлинных разрешений на занятие трудовой деятельностью. В целом соотношение «легальных» и «нелегальных» (т.е. имеющих и не имеющих *право на работу*) мигрантов составляет соответственно 58,1% и 41,9%. Для только работающих мигрантов это соотношение составляет 65,9% и 34,1%. С учетом всех особенностей трудового статуса и технических особенностей обследования мигрантов, численность незаконных мигрантов соразмерна численности законных мигрантов и с большой вероятностью превышает последнюю. Основная

часть нелегальных мигрантов — граждане государств Средней Азии, Украины, Молдовы.

В итоге основная проблема правового статуса мигрантов в России состоит не в легальности их *нахождения* в России вообще, а в легальности их *работы* в России.

Здесь полезно посмотреть на вопросы занятости мигрантов глазами работодателей, активно использующих иностранную рабочую силу, в соответствии с данными исследования, проведенного в Москве в 2011 г. под руководством автора⁶. Особый интерес в проблеме легальности работы мигрантов представляет оценка работодателями преимуществ и недостатков использования труда внешних мигрантов по сравнению с аналогичными работниками из числа местного населения по ряду параметров.

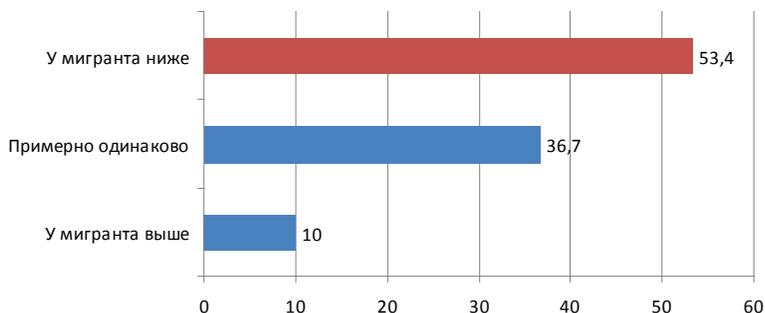

Рисунок 1.5. Оценка требовательности к соблюдению санитарных норм и правил техники безопасности

⁶ Опрос работодателей проводился по заказу Департамента труда и занятости населения Москвы. В опросе участвовали руководители 300 организаций, привлекавших в 2011 г. иностранную рабочую силу, случайным образом отобранные из официального списка, представленного Федеральной службой по труду и занятости населения РФ.

Более половины работодателей говорят о том, что у мигранта требования к соблюдению санитарных норм и техники безопасности ниже, чем у россиянина. Распределение ответов на данный вопрос свидетельствует, что многие работодатели, нанимающие мигрантов, сознательно идут на снижение этих требований с целью минимизации расходов.

Работодатели преимущественно считают, что у мигранта ниже требования к соблюдению КЗоТа. Этого мнения придерживаются 53,4% работодателей, принявших участие в исследовании (см. рис 1.6). Низкая требовательность мигрантов к соблюдению КЗоТа является для многих работодателей одним из конкурентных преимуществ данной категории соискателей вакантных мест, так как значительно упрощает процедуру выполнения своих обязанностей.

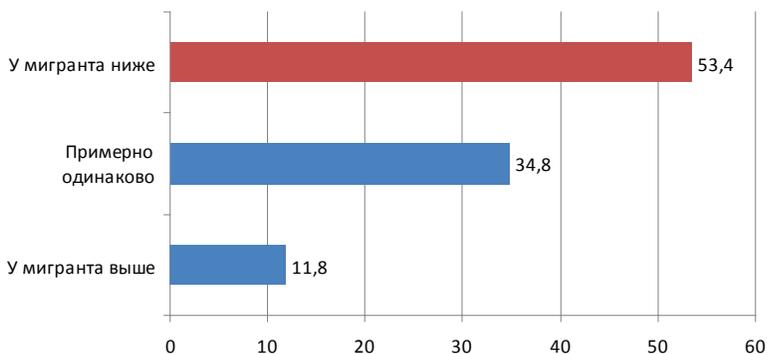

Рисунок 1.6. Оценка требовательности к соблюдению КЗоТа

Несоблюдение КЗОТа впоследствии может негативно отразиться на судьбе самого мигранта, а также в целом наносит ущерб Российской Федерации, в том числе и в плане сокращения объема поступления налоговых отчислений.

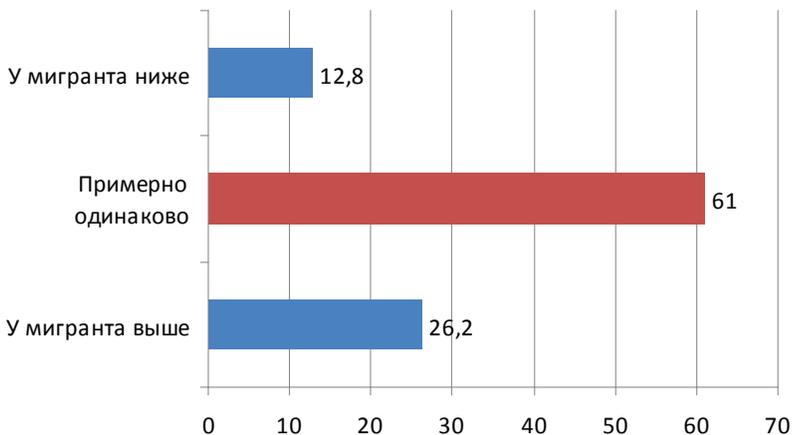

Рисунок 1.7. Оценка способности к обучаемости новым приемам работы

Несмотря на то, что большинство работодателей говорит о более низком уровне техники безопасности на производстве и соблюдения мигрантами санитарных норм, потенциал обучаемости новым приемам, по их мнению, у мигрантов и россиян примерно одинаков. Такого мнения придерживаются 61% работодателей, что является показателем высокой согласованности мнений участников опроса.

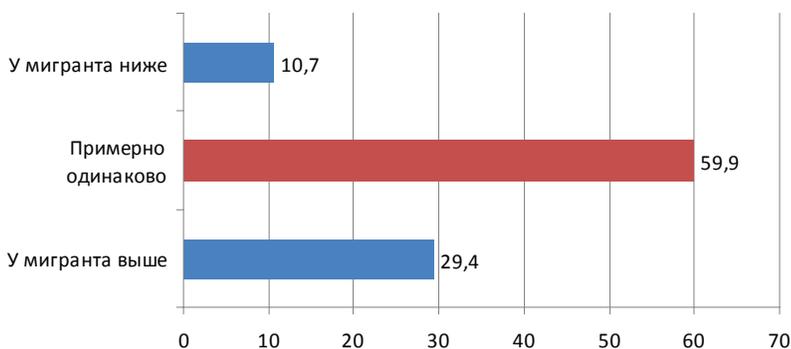

Рисунок 1.8. Оценка обучаемости работе на новой технике, по новым технологиям, с новыми материалами

Распределение ответов работодателей на данный вопрос во многом опровергает существующую точку зрения о том, что мигранты вследствие более низкой квалификации хуже адаптированы к освоению новых технологий работы. Так, большинство работодателей считает, что обучаемость работе на новой технике, по новым технологиям, с новыми материалами у мигранта и россиянина примерно одинакова (59,9%).

По мнению большинства работодателей, *мигранты превосходят местных работников по критерию производительности труда* (см. рис. 1.9). Такое мнение выразили 52,6% работодателей. Преобладание среди работодателей данной точки зрения во многом объясняет то, что именно мигранты пользуются популярностью при найме сотрудников по ряду специальностей.

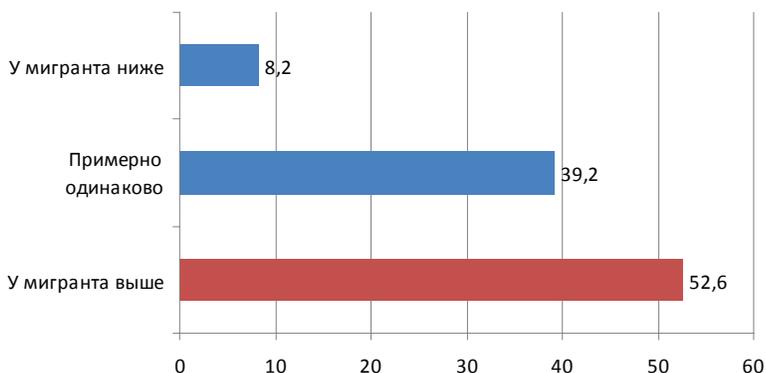

Рисунок 1.9. Оценка производительности труда мигрантов по сравнению с местными работниками

В целом, большинство работодателей считает использование труда мигрантов более доходным по сравнению с использованием труда других сотрудников.

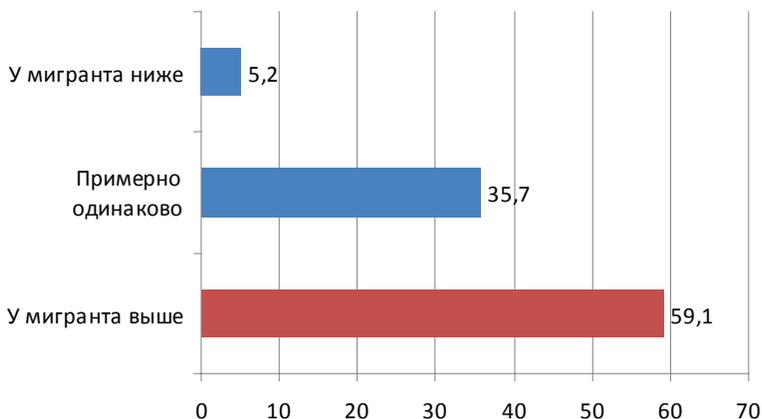

Рисунок 1.10. Оценка общей доходности

Такую позицию разделяют 59,1% участников исследования. Очевидно, что с учетом результатов ответов на предыдущие вопросы, в которых большинство респондентов позитивно характеризовало особенности иностранной рабочей силы, в этом вопросе также преобладает мнение о большей совокупной полезности использования труда мигрантов по сравнению с гражданами РФ. Только 5,2% работодателей считают, что у мигранта ниже показатель общей доходности.

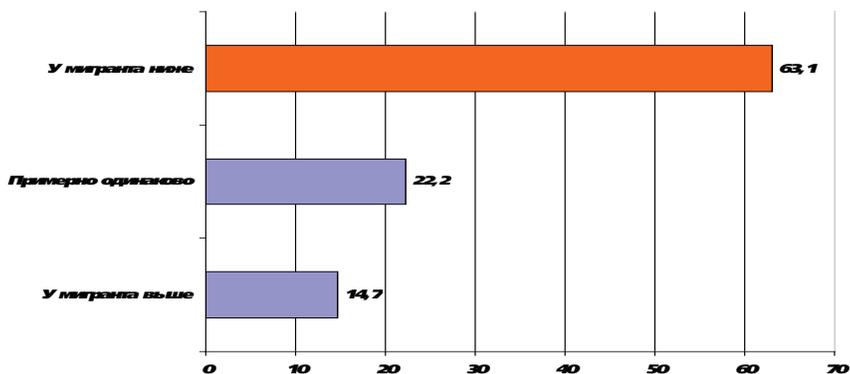

Рисунок 1.11. Оценка притязаний мигрантов на зарплату по сравнению с местными работниками

Не последнее место в формировании такой доходности занимают более низкие зарплатные притязания мигрантов и готовность работать сверхурочно (рис. 1.11).

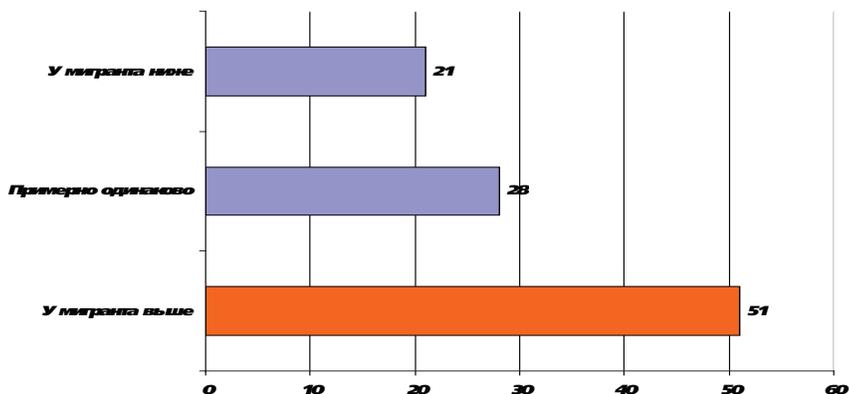

Рисунок 1.12. Оценка готовности работать сверхурочно

Таким образом, доходность мигранта в целом определяется тем, что все плюсы использования мигрантского труда причисляются в доход, а все издержки (учет которых сделал бы найм местных кадров столь же приемлемым, как и найм иностранных работников) перелгаются на городской (или федеральный) бюджет на безвозвратной основе. Очевидно, что чем ниже правовой статус мигранта, тем выше его доходность. Иначе говоря, *нелегально* трудящийся мигрант должен пользоваться бóльшим спросом на рынке труда, чем легальный мигрант, а последний — бóльшим спросом, чем местный работник. Отсюда становится понятной существенное расхождение в регистрационном и трудовом статусе мигранта. Весьма вероятно, что этот разрыв задается не столько самими мигрантами, сколько местными работодателями.

В итоге, широко распространенное утверждение о том, что мигранты занимают рабочие места, не пользующиеся спросом у «местного» населения, нуждается в существенном уточнении.

Эти места не пользуются спросом у местного населения не столько в силу специфики труда, сколько потому, что работодатель не готов жертвовать частью своей прибыли на повышение оплаты труда до социально приемлемого уровня, в том числе на уплату социального налога с фонда заработной платы, затраты на создание условий труда в рамках законной нормы продолжительности рабочего времени.

4. Интеграционный потенциал мигрантов

В целом у мигрантов преобладают ориентации на интеграцию с принимающим сообществом. Ориентации на сепарацию, на изолированное, анклавное проживание в принимающей среде, характерны не более чем для 20% мигрантов. Эти различия связаны как с некоторыми социально-демографическими, так и другими характеристиками и диспозициями разных групп мигрантов.

Существенно различаются ориентации на интеграцию в разных возрастных группах. Преобладание ориентаций на сепарацию распространено в возрастной группе 20-29 лет, т.е. среди поколения мигрантов, выросшего или сформировавшегося вне единого советского пространства. В то же время ориентации на интеграцию наиболее характерны для возрастной группы старше 40 лет, т.е. среди тех, кто имел определенный опыт жизни в советском сообществе.

Если учитывать уровень образования мигрантов, то преобладание ориентаций на сепарацию характерно в основном для мигрантов с неполным и общим средним образованием, тогда как ориентации на интеграцию наиболее отчетливо проявлены среди опрошенных, имеющих среднее специальное и высшее образование.

Здесь интересно отметить, что у мигрантов с начальным и неполным средним образованием, не столько проявлены ориентации на сепарацию, сколько слабо выражены ориентации на интеграцию, для них характерно состояние неустойчивого рав-

новесия, отражающееся в том, что в этой образовательной группе наиболее проявлен баланс интеграционных ориентаций.

Различия в интеграционных ориентациях также значимо связаны с национальностью мигрантов. В наибольшей степени ориентации на сепарацию распространены среди киргизов, таджиков, а среди узбеков они, наоборот, распространены меньше. Вполне логично, что ориентации на интеграцию в наибольшей степени характерны для украинцев, молдаван.

Как правило, этническая принадлежность людей ассоциируется с их конфессиональной принадлежностью, и поэтому следует ожидать, что различия в интеграционных ориентациях будут прослеживаться и в конфессиональных группах. В российской поликонфессиональной среде с доминированием православия преобладание ориентаций на сепарацию в значимо большей степени характерно для мусульман, а преобладание ориентаций на интеграцию — среди христиан. Если допустить, что показателем включенности в конфессиональный дискурс, «воцерковленности» в широком смысле этого слова (т.е. и применительно к исламу), является частота и регулярность посещения молебных учреждений (храма, мечети), то было бы интересно уточнить, насколько степень «воцерковленности» связана с интеграционными ориентациями. Произведенные расчеты показывают, что статистически достоверных различий в ориентации на интеграцию в связи со степенью «воцерковленности» не обнаруживается. На этом основании можно сделать весьма вероятное и очень важное предположение о том, что интеграционные установки связаны с принадлежностью к той или иной конфессии, как к определенной, *значимой в данном сообществе, социальной категории*, а отнюдь не с индивидуальной мировоззренческой позицией человека, т.е. верой. И весьма вероятно, что различия в интеграционных ориентациях генерируются не столько принципами веры, сколько различиями в ритуалах, используемыми как маркеры этнокультурных границ.

Далее необходимо рассмотреть различия в диспозициях относительно социально-культурной среды принимающего сообщества, присущие мигрантам, по-разному ориентированным на интеграцию/сепарацию. Прежде всего, такие достоверные различия прослеживаются в идентификации мигрантов, в частности в том, какую страну они считают своим домом. Расчеты показывают, что ориентации на интеграцию более отчетливо выражены у тех, кто считает своим домом Россию.

Это соответствует тому, что мигранты, по-разному выстраивающие свои планы на будущее в России, имеют разные интеграционные ориентации. В *наименьшей* степени ориентированы на интеграцию даже не те, кто приехал в Россию на несколько месяцев, а те, кто намерен здесь проработать несколько лет и вернуться домой. В *наибольшей* степени ориентированы на интеграцию те, кто решил остаться здесь навсегда, но в еще большей степени те, кто собирается постоянно циркулировать между своей страной и Россией.

Ориентации на интеграцию отчетливо связаны с отношением к русскому языку в целом и к возможностям его изучения. Ориентации на сепарацию особенно проявлены у тех, кто на работе, с друзьями и с соседями общается на родном (нерусском языке) языке. Соответственно, эти люди в меньшей степени считают родным языком — русский, в то время как мигранты с преобладанием интеграционных ориентаций считают родным именно русский язык и предъявляют высокие требования к знанию русского языка. Мигранты с преобладающими ориентациями на интеграцию в значимо большей степени считают, что им в России необходимо знание языка на уровне умения читать и писать. Хотя необходимо отметить, что респонденты, ориентированные на интеграцию, чаще приезжают в Россию уже со свободным знанием русского языка.

Если говорить о правовом статусе мигрантов, то здесь прослеживается достоверная связь с балансом интеграционных

ориентаций. Среди нелегалов в гораздо меньшей степени распространены ориентации на интеграцию в Россию.

Интеграционные возможности мигрантов тесно связаны с социально-культурными характеристиками той территории, на которой они проживают (прежде всего, с уровнем урбанизированности принимающих сред, опытом взаимодействия с мигрантами вообще и с отдельными группами мигрантов в частности), и с этнокультурной средой первичной возрастной социализации.

Проблемы возможностей и ограничений, связанных с пребыванием мигрантов в мегаполисе, более детально рассматриваются в статье «Проблемы миграции в московском регионе».